

**Мотин Анатолий Владимирович**

кандидат юридических наук, адвокат,

Палата адвокатов Самарской области

amotin85@yandex.ru

**Anatoly V. Motin**

PhD in Law, the lawyer of chamber of lawyers of the Samara region

amotin85@yandex.ru

**Соотношение преступлений и проступков против личности  
как проблема межотраслевой дифференциации ответственности**

**The ratio of crimes and misdemeanors against the individual  
as a problem of intersectoral differentiation of responsibility**

*Аннотация.* В статье автором рассматривается одна из проблем межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на личность – соотношение преступлений и административных проступков. Внимание обращено на статистический аспект дифференциации оснований такой ответственности, выражающийся в системе смежных составов преступлений и административных правонарушений, конструирование которых должно быть подчинено требованиям преемственности составов и четкости (определенности) изложения их признаков в тексте нормативных правовых актов. Сделан вывод о том, что надежным технико-юридическим приемом разграничения составов правонарушений должна служить оговорка в составах административных правонарушений об отсутствии в них признаков уголовно наказуемого деяния.

**Ключевые слова:** преступления против личности, административный проступок, дифференциация, уголовная ответственность, объект, причинение вреда, межотраслевая коллизия, угроза, криминализация.

**Abstract.** In the article, the author considers one of the problems of intersectoral differentiation of responsibility for attacks on the person – the ratio of crimes and administrative offenses. Attention is paid to the statistical aspect of differentiation basis of such liability, expressed in the system of related elements of crimes and administrative offenses, the design of which shall be subject to the requirements of continuity of compositions and definition (certainty) the presentation of their signs in the text of the regulations. It is concluded that a reliable technical and legal method of distinguishing the elements of offenses should be a reservation in the elements of administrative offenses about the absence of signs of a criminal offense in them.

**Keywords:** crimes against the person, administrative offense, differentiation, criminal liability, object, causing harm, intersectoral conflict, threat, criminalization.

Осуществляя свою обязанность по охране человека, его прав и свобод, государство вольно использовать любые доступные ему легитимные средства, при этом, как известно, уголовный закон выступает, согласно принципу *ultima ratio*, в качестве «последнего довода» власти в обеспечении безопасности. Подобное обстоятельство побуждает государство к разработке не только предупредительных, но и различных по силе воздействия охранительных средств защиты личности, что находит свое содержательное воплощение, среди прочего, в межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на интересы безопасности человека. Рассматривая проблемы межотраслевой дифференциации, нельзя не затронуть вопрос о статическом соотношении преступлений и проступков против личности, в рамках изучения которого нам представляется необходимым обратить внимание на ряд собственно правовых, уголовно-политических и юридико-технических аспектов.

Признавая приоритетную значимость объекта посягательства для оценки его общественной опасности, а, следовательно, и выбора вида противоправности, отметим, что конституционное признание человека, его прав и свобод высшей ценностью не исключает возможности межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на личность. Такая дифференциация осуществляется с учетом ценности родовых (в иной теоретической интерпретации – видовых) объектов, в соответствии с которыми в уголовном законе выделяются отдельные главы его Особенной части.

Анализ показывает, что объективно существуют объекты столь ценные, что любое причинение им вреда позиционируется законодателем исключительно как преступление, а вопрос о возможности установления административной ответственности за посягательства на такие объекты даже не возникает. Речь идет, в частности, о таких конституционных ценностях, как жизнь человека, его физическая свобода, половая свобода и половая неприкосновенность. КоАП РФ не содержит составов правонарушений, которые могут иметь своим основным объектом эти ценности.

В то же время, нельзя не отметить, что в процессе внутриотраслевой дифференциации административной ответственности законодатель в ряде случаев использует признак причинения вреда этим объектам (в частности, причинение смерти) для усиления административной ответственности виновных лиц. Оставим в стороне ситуации, когда причинение смерти потерпевшему указывается в составе административного проступка признаком, характеризующим последствия поведения юридических лиц, учитывая, что ответственность таковых в уголовном законе сегодня не предусматривается (речь идет о ч.10.2 ст.13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации» и ч.6.1 ст.20.4 КоАП РФ «Нарушение требований пожарной безопасности»). Но в КоАП РФ в 2020 году (Федеральным законом от 01.04.2020 № 99-ФЗ) была введена ответственность для физических лиц за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-

эпидемиологического благополучия населения, повлекшее причинение вреда здоровью человека или смерть человека (ч.3 ст.6.3 КоАП РФ). Это создало коллизию с предписаниями ст.236 УК РФ. Ее разрешению было посвящено указание Президиума Верховного Суда РФ, который признал: «Административная ответственность по ч.3 статьи 6.3 КоАП РФ наступает лишь в тех случаях, когда действия (бездействие) правонарушителя не содержат уголовно наказуемого деяния. В связи с тем, что за нарушение физическим лицом санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть человека, предусмотрена уголовная ответственность, в случае наступления последствий в виде смерти человека действия (бездействие) виновного следует квалифицировать по части 2 статьи 236 УК РФ» [1].

Такое решение Верховного Суда РФ оправдано наличием в ч.3 ст.6.1 КоАП РФ специальной оговорки относительно того, что административный проступок «не содержит признаков уголовно наказуемого деяния». Но такая оговорка может содержаться далеко не всегда и не во всех смежных составах. Для этих ситуаций в науке разрабатывается иное правило разрешения межотраслевой коллизии: «В случае если совершенное лицом деяние содержит одновременно признаки преступления и признаки административного/налогового правонарушения или дисциплинарного проступка, лицо привлекается соответственно к административной/налоговой или дисциплинарной ответственности» [2]. Такое правило поддерживается и высшей судебной инстанцией России [3]. В итоге, получается, что правило разрешения коллизии и выбор нормы правоприменителем во многом предопределяется не столько сутью правонарушений, сколько юридико-техническим приемом законодателя при описании составов правонарушений, что нельзя признать в полной мере оправданным.

Однако наша задача не состоит в том, чтобы разработать сейчас правила преодоления межотраслевых коллизий. Задача в ином – показать, что законодатель допускает само создание таких коллизий, игнорируя правила разграничения преступлений и проступков, исходя из оценки общественной опасности деяний на основе объекта посягательства. Тот факт, что противоречивая оценка причинения смерти создает неоправданную коллизию УК РФ и КоАП РФ только в одной ситуации лишней раз доказывает, что законодателем была допущена ошибка, которая должна не минимизироваться решением высшей судебной инстанции страны, а исправляться самим законодателем путем корректировки положений административно-деликтного законодательства. Жизнь человека, ни при каких условиях, не может выступать объектом (основным или дополнительным) состава административного правонарушения.

Наряду с указанными выше, есть группа объектов – конституционные права и свободы граждан, интересы формирования личности несовершеннолетнего – которые традиционно рассматриваются как область

межотраслевой дифференциации ответственности в зависимости от характера посягательства и объема причиняемого вреда, и именно здесь возникает наиболее тесное соприкосновение преступлений и проступков.

Анализ позволяет выделить две группы смежных проступков и преступлений, различающихся техникой описания их составов. Первую группу образуют составы административных правонарушений, при конструировании которых законодатель сделал специальную оговорку – «если состав не содержит признаков уголовно-наказуемого деяния». К ним следует отнести составы, описанные в ст.5.16 КоАП РФ (подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах), ст.5.22 КоАП РФ (незаконные выдача и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме, бюллетеня для общероссийского голосования), ст.5.35.1 КоАП РФ (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей), ст.5.46 КоАП РФ (подделка подписей избирателей, участников референдума), ст.14.16 КоАП РФ (нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции). Во вторую группу следует отнести составы, описание которых не содержит соответствующей оговорки. Они предусмотрены ст.5.35 КоАП РФ (неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних), ст.5.37 КоАП РФ (незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью), ст.5.38 КоАП РФ (нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании), ст.5.62 КоАП РФ (дискриминация), ст.6.10 КоАП РФ (вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ), ст.6.23 КоАП РФ (вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака), ст.6.32 КоАП РФ (нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности).

Разграничение преступлений и смежных с ними административных правонарушений хотя и представляет собой известную сложность, тем не менее, вполне успешно преодолевается на практике на основе указанных выше коллизионных правил, а также, с учетом доктринального и нормативного понимания разграничительных признаков, к каковым традиционно относятся признаки субъекта, предмет, характер деяния и некоторые иные.

В ряду объектов, раскрывающих интересы личности, существует еще одна группа конституционно значимых ценностей, отношение к которым со стороны законодателя в последние годы существенно меняется. Речь идет о здоровье человека, его физической неприкосновенности, чести и достоинстве. Если из первоначальной редакции УК РФ и КоАП РФ следовало, что лишь

неосторожное причинение легкого вреда здоровью не влечет публично-правовой ответственности, тогда как любое деяние (умышленное или неосторожное), связанное с причинением и тяжкого, и средней тяжести вреда здоровью, было уголовно наказуемым, равно как и любое посягательство на честь и достоинство, то в последние несколько лет ситуация коренным образом изменилась. Декриминализация побоев и оскорбления с конструированием соответствующих составов административных проступков, декриминализация неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью с последующей дифференциацией ответственности за проступки, содержащие такой признак, свидетельствуют о том, что в оценке отмеченных объектов произошли существенные сдвиги, официально оправданные потребностью в гуманизации уголовной политики.

Между тем, такие решения далеко не всегда воспринимаются как оправданные, прежде всего, по причине своей непоследовательности и противоречивости. Так, не может восприниматься в качестве продуманных решений декриминализация (Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ) и последующая через несколько месяцев криминализация (Федеральным законом от 28.07.2012 № 141-ФЗ) клеветы; декриминализация оскорбления между частными лицами при сохранении ответственности за оскорбление участников судебного разбирательства и лиц, участвующих в отправлении правосудия (ст.297 УК РФ), представителя власти (ст.319 УК РФ), военнослужащего (ст.336 УК РФ); декриминализация неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью при неустановлении ответственности за это деяние в КоАП РФ и сохранении данного признака в ст.124 УК РФ.

Эти обстоятельства оцениваются в научной литературе и на практике как отступление от требований всемерной охраны здоровья [4], как нарушение требований системности в политике и законодательстве [5], как проявление неравного подхода к охране интересов частных лиц и представителей власти [6]. При этом есть основания полагать, что отрицательные оценки законодательных решений являются преобладающими, образуют мейнстрим теоретического дискурса.

Не повторяя общеизвестного относительно требований системности и равенства в установлении ответственности, заметим, что обсуждение состоявшихся законодательных решений в контексте темы межотраслевой дифференциации ответственности должно начинаться с уяснения принципиального вопроса – о допустимости установления административной ответственности за посягательства на здоровье, честь и достоинство граждан.

Но вопрос этот связан не только (а, возможно, и не столько) с социально-правовой оценкой значимости самих этих конституционных ценностей, а с определением сути административно-деликтного законодательства: является ли оно законодательством об ответственности лишь за деяния, которые не обладают высокой («криминальной») общественной опасностью, либо же это законодательство об ответственности за некоторую специфическую группу

деяний, так или иначе связанных с административной, управленческой деятельностью государства. Причем, установление природы и сути административно-деликтного законодательства (а следовательно, и административных правонарушений) будет иметь значение не только для решения вопроса о криминализации или декриминализации посягательств на здоровье, честь и достоинство, но также и для оценки посягательств на конституционные права граждан и интересы несовершеннолетних, то есть универсальное значение, приемлемое для всех охраняемых объектов. С учетом этого обстоятельства, должны оцениваться и выдвигающиеся в науке предложения, как о криминализации некоторых административных проступков против личности [7], так и о частичной декриминализации преступлений с установлением административной ответственности за соответствующие деяния [8].

В современной научной литературе нет единого подхода к пониманию природы административных правонарушений. Оставим в стороне большую дискуссию относительно того, стоит ли ограничивать сферу административной ответственности лишь ответственностью государства (публичной администрации) перед индивидом. Это классическое для западной правовой доктрины понимание административной юстиции составляет совершенно самостоятельную область исследования, которая не имеет касательства к нашей теме. Ограничимся анализом административных правонарушений как малозначительных с точки зрения представлений о «криминальной опасности» деликтов, которые совершаются, в том числе «частными» лицами.

В науке было высказано мнение о том, что административно-правовое отношение, как объект административных правонарушений, есть урегулированное административно-правовой нормой управленческое общественное отношение, в котором стороны выступают как носители взаимных обязанностей и прав, установленных и гарантированных административно-правовой нормой, и содержание которого образует поведение управляемых лиц в сфере реализации исполнительной власти. Отсюда – делается вывод о том, что деяния, которые не связаны с нарушением механизма исполнительной власти, не связаны с посягательством на организационную деятельность (например, клевета и оскорбление), не могут считаться административными правонарушениями [9]. Но такой подход «взламывает» представления о единстве всех предусмотренных в КоАП РФ правонарушений, позволяет выделить в них те, что посягают на опосредованную административными актами управленческую деятельность, и те, что посягают на иные отношения. Определить природу последних в таком случае не представляется возможным. Хотя некоторым выходом из ситуации могла бы здесь стать концепция уголовного проступка [10] (если проступком считать административные правонарушения, не связанные с посягательством на управленческую деятельность), но она только затруднит при таком подходе разграничение и определение правовой природы преступлений, уголовных

проступков и административных правонарушений. Согласимся с В.Ф. Лапшиным, который пишет: «Выделение правонарушений переходного значения – уголовных проступков, является нерациональным решением. В противном случае будет иметь место нарушение ... системы межотраслевой дифференциации юридической ответственности, что приведет к значительному увеличению объема действующего уголовного закона, а также к назначению наказаний, схожих по содержанию с мерами административного воздействия. Поэтому виды уголовно наказуемых деяний, которые к настоящему времени утратили присущую преступлению общественную опасность, целесообразнее не переводить в категорию уголовного проступка, а признать административным или иным правонарушением с одновременным исключением соответствующей статьи из УК» [11].

В этой связи, нам представляется более убедительным подход, в соответствии с которым административные правонарушения рассматриваются просто как деяния, обладающие меньшей, по сравнению с предусмотренными в УК РФ, опасностью, но единые по своей природе с преступлениями, в рамках учения об «уголовной сфере» и классификацией уголовно-противоправных деяний на преступления, проступки и нарушения [12]. Не углубляясь в решение вопросов о том, по каким конкретно критериям такая градация может (или должна) осуществляться, подчеркнем главное – преступление и административное правонарушение обладают единой, причем подчеркнуто уголовно-правовой природой. С этой точки зрения выбор законодателем уголовного или административно-деликтного закона для описания оснований публично-правовой ответственности приобретает дополнительные основания. Более того, при таком подходе поставленный выше вопрос о допустимости применения КоАП РФ для оценки посягательств на здоровье, телесную неприкосновенность, честь и достоинство, а также права граждан и интересы формирования личности несовершеннолетнего лишается своего основания. Само по себе содержание объекта посягательства не может предопределять выбор вида ответственности за него. Здесь уже «вступают в действие» иные факторы криминализации, включая последствия деяния, способ его совершения, форму вины и т.д.. С учетом сказанного, декриминализация деяний против личности, не обладающих с точки зрения законодателя в современных условиях опасностью, достаточной для его признания преступлением, с одновременным (или последующим) установлением за него ответственности в КоАП РФ не может рассматриваться как достаточное основание для критики и оценки политики как дефектной.

Главное условие эффективности таких решений – справедливая оценка общественной опасности деяний и соблюдение выработанных наукой и практикой принципов и правил обеспечения межотраслевой согласованности правовых запретов. Основные эти правила были удачно сформулированы Л.Л. Кругликовым, который верно указывает: «В процессе межотраслевой дифференциации должна обеспечиваться преемственность, в том числе в видах

юридической ответственности...; должны четко определяться разграничительные признаки смежных деяний, включаемых в различные отрасли законодательства» [13]. Принципы преемственности и четкости в разграничении оснований административной и уголовной ответственности признаются всеми специалистами. Развивая их, В.Ф. Лапшин указывает: «Сущность правила четкости в определении разграничительных признаков заключается в следующем:

а) точное совпадение юридически значимых признаков, характеризующих процесс осуществления деяния (действия или бездействия);

б) установление признаков, характеризующих стоимостное (количественное) выражение общественно опасных последствий, наступивших в результате совершения административного или уголовно-наказуемого деяния, ... что позволяет произвести строгое разграничение указанных видов правонарушений;

в) максимальный размер санкции за совершение квалифицированного (особо квалифицированного) вида административного правонарушения должен быть менее минимального размера санкции, установленной за совершение аналогичного уголовно-наказуемого деяния» [14].

Нет оснований оспаривать приведенные цитаты. Однако, отталкиваясь от этих правил, следует обратить дополнительное внимание на процессы нормативного разграничения преступлений и административных правонарушений, посягающих на личность.

Начнем, пожалуй, с одного из наиболее спорных и сложных решений законодателя – с декриминализации неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью. Это решение, коснувшееся не только ст.118 УК РФ, но и ст.ст. 143, 216, 219, 263, 264, 266, 267, 268, 269 УК РФ, не сопровождалось синхронным включением ответственности за неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью в КоАП РФ [15], лишь гораздо позднее соответствующий признак был добавлен в качестве квалифицирующего в некоторые составы административных проступков, связанных с нарушением специальных правил безопасности (в 2005 году в ст.12.24, в 2007 году – в ст.12.30, в 2009 году – в ст.11.5, в 2011 году – в ст.20.4, в 2017 году – в ст.12.34 КоАП РФ). При этом, как показывает анализ, изменения в КоАП РФ компенсировали изменения в составах УК РФ, связанных с нарушением специальных правил безопасности, где здоровье было описано в качестве дополнительного объекта. Собственно же исключение ответственности за причинение «бытового» и «профессионального» неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью не было компенсировано в КоАП РФ созданием соответствующей нормы. А, следовательно, такие деяния остаются сегодня в принципе без публично-правовой реакции. Между тем, данные статистики свидетельствуют, что на момент исключения из УК РФ ч.3 и ч.4 ст.118 УК РФ, по данным нормам осуждалось в среднем около тысячи человек (в частности, в 2003 году – 893 человека по ч.3 ст.118 УК РФ и 36 человек – по



ч.4 ст.118 УК РФ). Законодатель не посчитал возможным установить для этой категории правонарушителей возможность привлечения к административной ответственности, как это было сделано, к примеру, в отношении лиц, совершающих побои, хотя, если сравнивать санкцию первоначальной редакции ч.3 ст.118 УК РФ и санкцию переведенных в разряд административных проступков побоев (ст.116 УК РФ), то они были сопоставимы, а санкция ч.4 ст.118 УК РФ – даже более тяжкая, нежели санкция ст.116 УК РФ. Такое положение вещей, по нашему убеждению, не является оправданным. Полагаем, что и опасность неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью, и правила межотраслевой согласованности дифференциации ответственности, и начала системности законодательства требуют того, чтобы в КоАП РФ появилась общая норма об ответственности за такое деяние.

Критические оценки декриминализации неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью приводят некоторых специалистов к иным выводам. К примеру, И.М. Антонов полагает, что «неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью:

- 1) обладает выраженным характером и достаточно высокой степенью общественной опасности;
  - 2) причиняет значительный материальный и моральный ущерб;
  - 3) имеет достаточно широкое распространение;
  - 4) поддается воздействию уголовно-правовыми средствами.
- Следовательно, его можно и нужно криминализировать вновь» [16].

Между тем, выбор вида противоправности неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью должен быть поставлен в рамки общей направленности уголовной политики. С учетом последовательно реализуемого в стране курса на максимальную гуманизацию законодательства, принимая во внимание отмеченную выше уголовно-правовую природу административных проступков и их сущностное единство с преступлениями, нам представляется, что возврат к нормам УК РФ для оценки исследуемого деяния был бы неоправданным, а задачи публичного наказания и предупреждения неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью могут вполне успешно решаться нормами КоАП РФ.

Далее, с точки зрения принципов межотраслевой дифференциации ответственности и правил преемственности, надо оценить положения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за угрозы. В рамках регламентации ответственности за посягательства на личность законодатель криминализирует их либо в качестве самостоятельного преступления (ст.119 УК РФ), либо описывает в качестве способа совершения иных преступлений (ст.ст. 120, 126, 127.2, 131, 132 и др. УК РФ). В КоАП РФ также неоднократно используется понятие угрозы, однако здесь оно используется для описания, прежде всего, последствий действий виновных лиц, которые создают угрозу причинения того или иного вреда. Вместе с тем, в одной единственной норме КоАП РФ угроза характеризует способ совершения деяния. В ст.5.40 КоАП РФ

установлено наказание за принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке путем насилия или угроз применения насилия либо с использованием зависимого положения принуждаемого.

Ответственность за угрозы – большая и вполне самостоятельная тема, полноценно исследовать которую в рамках данной статьи не представляется возможным. Однако некоторые вполне очевидные соображения нельзя не отметить. Анализ показывает, что в качестве самостоятельного деликта ни УК РФ, ни КоАП РФ не называет угрозы совершения против человека какого-либо иного, кроме убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, преступления, например, угрозы причинения средней тяжести вреда здоровью, угрозы обращения в рабство, угрозы совершения изнасилования и насильственных сексуальных действий. Такие деяния остаются вне сферы публично-правовой оценки. Кроме того, угрозы, которые описаны в качестве способов совершения тех или иных преступлений, и угроза в ст.5.40 КоАП РФ носят, как правило, весьма ограниченный по своему содержанию характер. В связи с чем, например, вне сферы правового воздействия оказываются принуждение к забастовке под угрозой уничтожения имущества или совершение полового сношения под угрозой уничтожения имущества или под угрозой распространения информации, которое может причинить вред потерпевшей или иным лица (в частности, под угрозой разглашения тайны усыновления). Требуем большого напряжения сил и широкого толкования закона возможность квалификации в качестве преступления принуждения к изъятию органов или тканей для трансплантации под угрозой изнасилования.

Эти проблемы являются следствием двух упущений: отсутствия общей нормы об ответственности за угрозу и наличием множества специализированных предписаний, плохо согласованных между собой. Выход из ситуации видится, прежде всего, в необходимости проведения большой работы по обеспечению системности оценки угрозы в нормах уголовного закона, но кроме того, также в использовании потенциала административно-деликтного законодательства. В литературе предложено создать ряд норм КоАП РФ, позволяющих оценить различные угрозы [17]. Однако нам представляется, что конструирование множества специальных норм – тупиковый путь, который к тому же приведет к неоправданному увеличению нормативного материала. Было бы разумным дополнить КоАП РФ нормой общего порядка, предусматривающей ответственность за угрозу применения насилия, уничтожения имущества, распространения информации, которое может причинить вред интересам потерпевшего, с одной важной принципиальной оговоркой, известной действующему закону – «при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния».

Наибольшую область соприкосновения в деле охраны личности УК РФ и КоАП РФ имеют при регламентации ответственности за нарушения конституционных прав и свобод граждан. Более половины преступлений из главы 19 УК РФ (11 из 17) имеют смежные составы административных

проступков. Анализ показывает, что законодатель стремится к тому, чтобы предусмотреть четкие признаки, позволяющие их разграничить, используя в этих целях признаки, характеризующие последствия, способ, субъекта, мотив преступления. Это позволяет правоприменителю относительно успешно решать проблему разграничения деяний.

Вместе с тем, некоторые закрепленные в законе решения вызывают критическую оценку:

- справедливо исключив признак последствий в составе дискриминации, поскольку любое нарушение политических прав гражданина неотделимо от существенных последствий, законодатель, тем не менее, сохранил этот разграничительный признак при описании составов отказа в предоставлении гражданину информации. Однако отказ в предоставлении информации, затрагивающей права гражданина, который не влечет за собой нарушения прав этого гражданина, теоретически и практически немыслим. В связи с чем логика требует трансформации состава преступления, предусмотренного ст.140 УК РФ, из материального в формальный. Но при таком подходе деяния, указанные в ст.140 УК РФ и ст.5.39 КоАП РФ, становятся неразличимыми, что с учетом представлений об общественной опасности этого деяния ставит вопрос о целесообразности сохранения в системе законодательства нормы об ответственности за административный проступок [18];

- справедливо усиливая ответственность за посяательства на избирательные права граждан, законодатель не в полной мере определился с опасностью такого деяния как подкуп избирателей и участников референдума. Указание на подкуп как на способ воспрепятствования свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав, нарушения тайны голосования, а также воспрепятствования работы избирательных комиссий либо деятельности их членов, поставило неразрешимую проблему отграничения деяния, указанного в п. «а» ч.2 ст.141 УК РФ, от проступка, описанного в ст.5.16 КоАП РФ. От правоприменителя требуется отграничить подкуп, направленный на воспрепятствование избирательным правам, и подкуп, не направленный на такое воспрепятствование. Но должно быть очевидным, что подкуп сам по себе есть воспрепятствование свободе осуществления избирательных прав. С этой точки зрения вполне оправданным выглядят рекомендации специалистов исключить из системы охранительных норм ст.5.16 КоАП РФ и предусмотреть в УК РФ отдельную норму об ответственности за подкуп избирателей [19].

Некоторые нарушения в принципе преемственности и системности наблюдаются при дифференциации ответственности за посяательства на интересы несовершеннолетних.

Так, смежный с составом вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий состав административного правонарушения, предусмотренный ст.6.10 КоАП РФ, вполне отчетливо отличается признаком систематичности действий виновного лица и его возрастом.

Между тем, предметом административного проступка выступают, среди прочего, новые потенциально опасные психоактивные вещества, систематическое вовлечение в употребление которых не влечет усиления ответственности ни в пределах КоАП РФ, ни на основании норм УК РФ. Эти вещества – достаточно новая для законодательства субстанция и подход к оценке действий в отношении них не отличается последовательностью. Законодатель криминализировал действия по незаконному обороту новых психоактивных веществ, наряду с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Что же касается оценки действий по склонению к потреблению таких веществ, он проявил непоследовательность: установил уголовную ответственность за склонение (то есть совершение разовых действий) к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершенное в отношении несовершеннолетнего, однако для оценки действий, связанных с разовым или систематическим склонением несовершеннолетних к потреблению новых потенциально опасных веществ, использовал только возможности КоАП РФ. Это при том, что вовлечение несовершеннолетних в систематическое потребление менее опасных веществ, в частности, алкогольной и спиртосодержащей продукции, признается преступлением. Полагаем, что в данном случае допущена ошибка, которую следует исправить. У законодателя есть два варианта: либо использовать конструкцию ст.151 УК РФ, либо потенциал ст.230 УК РФ. Все зависит от оценки им опасности новых потенциально опасных психоактивных веществ и определения их природы: следует ли их рассматривать как близкие к алкогольной продукции и требовать для криминализации систематических действий взрослого лица или же их следует рассматривать как близкие к наркотическим и психотропным веществам и на этой основе полагать достаточным одного факта склонения для криминализации. С учетом того, что новые потенциально опасные психоактивные вещества это вещества, оборот которых в РФ запрещен [20], нам видится более логичным и правильным использование для оценки случаев склонения к потреблению таких веществ возможностей уголовного закона, в частности, ст.230 УК РФ, что, однако, потребует соответствующей корректировки ст.6.10 КоАП РФ.

С точки зрения согласованности норм, вызывает сомнения справедливость решения законодателя об установлении различных возрастных рамок субъекта ответственности деяний, указанных в ст.151 УК РФ и ст.6.10 КоАП РФ. Складывается ситуация, при которой нормы административного законодательства применяются для оценки систематических действий лица в возрасте 16 – 17 лет, а также, для оценки разовых (единичных) действий всех лиц, достигших 16 лет, тогда как нормы УК РФ – только для оценки систематических действий, достигших восемнадцатилетия. При этом требование возрастного превосходства виновного над потерпевшим выдвинуто только для состава преступления. Но именно это требование, на наш взгляд, и должно быть доминирующим при выборе решения о возрасте субъекта

правонарушения, поскольку его соблюдение обеспечивает надлежащее содержание умысла и степень виновности. А потому разумным мы полагаем повысить возраст субъекта правонарушения в ст.6.10 КоАП РФ с тем, чтобы обеспечить межотраслевую преемственность и согласованность.

Подводя итог исследованию вопросов, поднятых в настоящей статье, нам представляется возможным сформулировать следующие основные выводы и предложения:

- статистический аспект дифференциации оснований ответственности за посягательства на личность выражается в системе смежных составов преступлений и административных правонарушений, конструирование которых должно быть подчинено требованиям преемственности составов и четкости (определенности) изложения их признаков в тексте нормативных правовых актов; надежным технико-юридическим приемом разграничения составов правонарушений должна служить оговорка в составах административных правонарушений об отсутствии в них признаков уголовно наказуемого деяния;

- соблюдение правил межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на личность предполагает необходимость корректировки действующего законодательства по следующим направлениям:

а) включение в КоАП РФ норм об ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности и за угрозу применением насилия, уничтожением имущества, распространением информации, которое может причинить вред интересам потерпевшего;

б) исключение из КоАП РФ ст.5.39 и ст.5.16; исключение из числа признаков правонарушения, предусмотренного ст.6.10 КоАП РФ, вовлечения несовершеннолетнего в употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ;

в) исключение последствий из числа обязательных признаков состава преступления, предусмотренного ст.140 УК РФ; криминализация на уровне отдельной статьи закона подкупа избирателей и участников референдума; криминализация в рамках ст.230 УК РФ склонения несовершеннолетнего к употреблению новых потенциально опасных психоактивных веществ.

### ***Литература:***

1. *Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020 (вопрос 15). Электронный ресурс: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28882/> (дата обращения 15.02.2021).*

2. *Чуличкова Е.А. Межотраслевые коллизии уголовно-правовых норм с охранительными нормами права иной отраслевой принадлежности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2011. – С. 11 – 12.*

3. *См. п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 №5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном*

обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 5.

4. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 115.

5. См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. – М.: Юрлитинформ, 2019. – С. 260.

6. См.: Законопроект № 956144-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части исключения из Уголовного кодекса РФ статьи 319». Электронный ресурс: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/956144-7> (дата обращения: 25.01.2021).

7. Аратова А.А. Административная ответственность за оскорбление: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – С. 11, 18.

8. Красильникова Е.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – С. 20 – 21.

9. Пелипенко Р.С. О декриминализации клеветы и оскорбления // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 4. – С. 163 – 171.

10. Рогова Е.В. Уголовный проступок и межотраслевая дифференциация ответственности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 3 (59). – С. 23 – 29.

11. Лапшин В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2016. – С. 15 – 16.

12. Головки Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. – 2013. – № 1 (5). – С. 42 – 52.

13. Кругликов Л.Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения // Lex Russica. – 2014. – № 3. – С. 307, 310.

14. Лапшин В.Ф. Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – С. 17.

15. Федеральный закон от 08.12.2003 № 161-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4847.

16. Антонов И.М. Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2004. – С. 10.

17. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. – М.: РГУП, 2017. – С. 116.

18. См.: Смирнов В.А. Статья 140 УК РФ как уголовно-правовое средство обеспечения прав гражданина на информацию в сфере оказания трансплантологической помощи // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 3 (38). – С. 53.

19. См.: Кругленя А.Н. Подкуп на выборах, референдуме: преступление или административное правонарушение // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 2. – С. 31.

20. См. ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 219.

*Literature:*

1. Review of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) No. 2 on the territory of the Russian Federation. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30.04.2020 (question 15). Electronic resource: <https://www.vsrj.ru/documents/all/28882/> (accessed 15.02.2021).

2. Chulichkova E. A. Intersectoral collisions of criminal law norms with protective norms of law of other branch affiliation: autoref. diss. ... cand. jurid. sciences'. - Chelyabinsk, 2011. - p. 11-12.

3. See paragraph 8 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 of 12.03.2002 "On judicial practice in cases of theft, extortion and illegal trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2002. № 5.

4. Pobegailo E. F. The crisis of modern Russian criminal policy // Criminal law. - 2004. - No. 4. - p. 115.

5. See: Korobeev A. I. Criminal law policy of Russia: from genesis to the crisis. - Moscow: Yurlitinform, 2019. - p. 260.

6. See: Draft Law No. 956144-7 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation with regard to the exclusion of Article 319 from the Criminal Code of the Russian Federation". Electronic resource: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/956144-7> (date of address: 25.01.2021).

7. Aratova A. A. Administrative responsibility for insult: autoref. diss. ... cand. jurid. M., 2013. - p. 11, 18.

8. Krasilnikova E. V. Obstruction of the legal professional activity of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): questions of legislative technique and differentiation of responsibility: autoref. diss. ... cand. jurid. sciences'. - Kazan, 2007. - p. 20-21.

9. Pelipenko R. S. On decriminalization of slander and insults // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. - 2012. - No. 4. - p. 163-171.

10. Rogova E. V. *Criminal offense and intersectoral differentiation of responsibility* // *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. – 2017. – № 3 (59). – Pp. 23-29.

11. Lapshin V. F. *Theoretical foundations of establishing and differentiating responsibility for financial crimes: autoref. diss. ... d-RA jurid. sciences'*. - Kazan, 2016. - p. 15-16.

12. Golovko L. V. *The ratio of criminal crimes and administrative offenses in the context of the concept of Criminal Matter (criminal sphere)* // *International Justice*. – 2013. – № 1 (5). – P. 42-52.

13. Kruglikov L. L. *The concept, grounds and types of differentiation of responsibility for crimes and other offenses* // *Lex Russica*. - 2014. - No. 3. - p. 307, 310.

14. Lapshin V. F. *Crimes in the sphere of distribution of financial resources: issues of differentiation of responsibility and legislative technique: autoref. diss. ... cand. jurid. sciences'*. – Kazan, 2004. – S. 17.

15. *Federal law dated 08.12.2003 № 161-FZ (as amended on 03.07.2016) "On the enforcement of the Criminal procedure code of the Russian Federation and other legislative acts in accordance with the Federal law "On amendments and additions to the criminal code of the Russian Federation""* // *meeting of the legislation of the Russian Federation*. - 2003. - No. 50. - St. 4847.

16. Antonov I. M. *Penalization of crimes that cause harm to health: autoref. diss. ... cand. jurid. sciences'*. – Vladivostok, 2004. – S. 10.

17. *The interaction between criminal and tort law* / ed. by J. E. Pudovochkin, N. And. Pichurova. – M.: rsue, 2017. C. 116.

18. See: Smirnov V. A. *Article 140 of the criminal code as the criminal-legal means of ensuring the rights of the citizen to information in the provision of transplant care* // *Siberian legal Bulletin*. – 2007. – № 3 (38). – P. 53.

19. See: Krupina A. N. *Bribery at elections, referenda: the crime or administrative offence proceedings of the Institute of state and law, Russian Academy of Sciences*. – 2012. – No. 2. – S. 31.

20. *Cm. article 1 of the Federal law of 08.01.1998 № 3-FZ (as amended on 26.07.2019) "On narcotic drugs and psychotropic substances"* // *meeting of the legislation of the Russian Federation*. - 1998. - No. 2. - Article 219.